

Воспоминания Клепининой Надежды Николаевны (1921 - 2000)

Детство в Томске. 1921 – 1932 гг.

С того времени, как помню себя, знаю, что не была любимым ребенком матери. Ей вообще было не до нас, хотя обеды были ежедневно, и сносная одежонка. Мама была неграмотной крестьянкой, имеющей золотые руки. Стирала белье отлично, судя по тому, что ей доверяли стирать мужские рубашки семья профессоров (евреев) высших учебных заведений г. Томска. Утром рано приносила 100 шт. белья. Намачивала в щелоке. Стирала в деревянном корыте, стиральная доска крепилась гвоздем к корыту. Парила белье в котле, который был вмазан в плиту. Как она вспоминала, они ей хорошо платили и кормили. Сильная она была, ловкая, трудолюбивая и вместе с тем, довольно изящная и красивая. Вот тогда я не помнила ее запоев. Да и запьешь от такой жизни.

За стенкой в бараке жила бабушка Луша с четырьмя детьми (Катя, Оля, Лида, Володя). Дети были довольно взрослые, но мама должна была давать им молоко от коровы Пестрянки. Если она не давала, то в семье были ругань и драки. Вскоре Пестрянку куда-то дели. Молоко мама покупала. Но я все равно росла хилым и больным ребенком. Я совсем не хотела есть, особенно суп. Папа меня «нанимал» за копейку. Получив копейку, я шла через дорогу Бульварной улицы напротив нашего дома. В магазине Шавинского покупала конфетку. Тянучка, завернутая в бумажку, стоила 2 копейки. Часто болела, видимо, простывала. Однажды, постучав по железной трубе, меня накрыл огромный снежный сугроб. Хорошо, что кто-то видел. Меня откопали. Помню, лежала долго в кровати. Приходил детский врач, известный в г. Томске, Павлицкий. Ему несколько лет назад мама мыла полы в его 2-этажном доме по ул. Карташева, 4. Днем мы были предоставлены сами себе. Ухитрилась я однажды потеряться. Побывала у цыган и в милиции. Любимым местом были сараи (они и сейчас там есть, их видно из окна трамвая). Лазили по сеновалам, в волосах была труха. За это мне попадало. И еще на месте современного лампового

завода была прекрасная березовая роща. Были пни и попадались ягодки лесной земляники.

Бегали со скакалками по бульвару. Бульвар имел 6 рядов деревьев¹. По обеим сторонам кусты боярышника. Затем ряд молодых елей. И сейчас стоят огромные, которые выжили, но страшные. А по обеим сторонам бульвара, еще не асфальтированного, ряды молодых тополей. За ними ухаживали, подстригали. Мы собирали состриженные ветки (они были еще голые), связывали их и скакали по бульвару. Но нам не разрешали убежать далеко. Я не знала, что там ул. Красноармейская (или как она называлась), но это была глушь. И что говорить, так в ожидании поезда (ездили в старое Череве), перейдя рельсы, тут же насобирали горсть земляники. Иногда всей семьей ходили в гости к дяде Феде (кривому) в Черемошники. Это был пустырь с кочками. Его и сейчас помнит муж моей крестной тети Веры (ее живой застали Таня и Оля) Станислав Ульянович. Он инвалид ВОВ, живет около старого гормолзавода.

Во время войны бабушка работа в госпитале, в здании которого теперь больница им. Семашко. Но старшая сестра сильно к ней придиралась.

Тяжела была судьба моих родителей. В отрогах Алтая у небольшой речушки село Старо-Череве, 25 км. от Щеглова (теперь г. Кемерово) жила добрая, худенькая моя бабушка Евдокия. Рожала 19 раз, но в живых осталось 9 детей. Вот я, видимо, по способности рожать в нее. Бабушка новорожденных таскала в поле, или его нянчили старшие дети. Помню Олю, Даша, Поля (моя мама), Андрей, Мина, а других уже и забыла. Моя душа живет уже в 9-ом теле, и я расплачиваюсь за свои и чужие грехи. Я загубила много не рожденных жизней. Но я знала, что более 2-х детей мне не потянуть. Не знала, что станет с моим мужем. Особенно мне запомнился 3-й ребенок. Это была девочка. Мысленно я назвала ее Наташенькой. Это была чистенькая, приятная девочка. Она походила на Олю. В то время аборт были запрещены и врачи рисковали попасть в тюрьму, делая мне операции. Н.Л. я наврала, что упала и поэтому потеряла

¹ Мама жила в деревянном 2-этажном доме по ул. Советской (сейчас) напротив корпуса политехнического института.

ребенка. Но он, конечно, все понял и не осудил меня. Я бы всех любила, как любили своих детей бабушка Луша (папина) и бабушка Даша (мамина). Мои двоюродные сестры Вера и Фая живут в Кемерово.

Когда мы были у бабушки Даши, то бегали боссяком. Обуви не было. Все руки и ноги были в цыпках. Умный Толя посоветовал мне лечить цыпки мочой. Я, как всегда, его послушалась. Боль была страшная. А в голове у всех были вши. Когда в 1927 году мы были в Томске, то меня первый раз решили сфотографировать. На старом базаре (теперь пл. Ленина). Так как обуви не было, мне сшили из сукна тапочки. Из-за вшей стригли под мальчика. Вот и стою я на фоне лебедя с огромными тощими руками, в ситцевом платице и черных чулках при июльской жаре. Вот у мамы, несмотря на то, что она была крестьянкой, были тонкие изящные руки. Как то я пришла к подружке, и ее мать дала гребенку, чтобы вычесывать вшей. Я, недолго думая, тут же и начала чешть. Конечно, меня выгнали.

Моя бабушка Луша на старости лет по обычаю того времени жила у старшего сына Андрея. У него было три ребенка. Его жена Анисия работа в поле. Выращивали дыни, из них выбирали косточки (семена для данного региона). Алтай благодатный край с прекрасными землями, но люди были нищие. О доброте бабушки Луши у меня просто не находится слов. Старенькая, худенькая, беззубая сидит она на завалинке. Попроси (внуков) слазить в погреб за брюквой. Погреб очень глубокий, с лестницей. Овощи долго остаются свежими. Вот скоблит она сладкую брюкву, а мы окружаем ее и раскрываем рты, в которые она по очереди кладет скобленку. Просила нас собирать у кур, которые неслись, где попало. Купались, собирали ягоды. Такой большой лесной земляники я уже никогда не видела. Сахара не было. Ягоды сушили. Не знаю, кто из них остался в живых. Проня погиб на фронте. Началось раскулачивание. В нашей нищей родне тоже нашелся «кулак» - обладатель самовара. Он так разозлился, что выкинул самовар на улицу и растоптал. Вот у него-то моя мама нянчила детей с 7 лет от Троицы до Покрова (все лето). Много дел было с детьми, а так хотелось побегать. Она детей не любила, и даже рассказывала, что

мечтала задушить их подушкой. Вспоминаю, как брала с русской печки «горсточку костей» - свою маму и несла в баню на берегу речушки вдоль всего огорода. Жена Андрея не особенно заботилась о свекрови. Моя мама часто ездила в Минусинск за продуктами и обязательно заезжала к своей маме. Бабушка очень любила маму и называла ее Поленькой. В бане она ее мыла, а «одежонку» прожаривала на каменке. Бабушка Даша очень любила париться и все причитала «Поленька, хлещи меня пуще». А мама говорила «я и так стараюсь». Так и жила с алкоголиком сыном Андреем. И другие дети ее были несчастны. Но нельзя винить бабушку. Всею виной тяжелая крестьянская жизнь. Она не просто работала, «пласталась». Муж бабушки был пьяницей. Замерз зимой, вез водку. Надо сказать, что мы, внуки, были уже довольно большими, но не понимали, что надо помочь бабушке Даше. Бабушка до последнего сохранила разум. Умерла она в 1933г., когда мама тяжело болела в Иркутске.

Папина мама Лукерья поздно вышла замуж за Исаака, который 20 лет отслужил в армии. У них было 5 детей. Катя, Оля, Лида, Коля, Володя. Мать их очень любила и называла только ласкательными именами. Жили очень дружно.

Болезненно папа переживал, что не получил должного образования. Мой отец Николай окончил церковно- приходскую школу. Директор Томской гимназии, что находилась, где теперь училище связи, обещал принять отца, т.к. его отец Исаак работал в училище конюхом. Но добрый директор умер, а новый заявил: «не желаю, чтобы пахло навозом». Папа всю жизнь занимался самообразованием, и мои дочки не раз ехидничали по этому поводу.

Зато когда мы росли, что он только не предпринимал! Делал нам коньки, шахматы и крокет из подручных средств. Пытался учить играть на мандолине, хотя сам толком не умел. Рассказывал нам сказки. Я помню очень глупую сказку о мальчике с большим аппетитом. Сначала он съел семью, потом деревню, село и т.д. Потом, когда уже нечего есть, он решил умереть. Вешался - веревка оборвалась, топились - не мог утонуть, всплывал. Интересна не сама сказка, а моя парадоксальная реакция – у меня возникла жалость к мальчику. Я

горько плакала. Не помню, что мне было жалко или то, что он голоден, или, что не мог умереть.

Папа воевал на войне с Германией и вернулся в Томск с сыпным тифом. Он уже был обвенчан с Губиной Пелагеей Кирилловной. Она его выхаживала. В 1919 родился Анатолий. Потом дед воевал на стороне Колчака, за что потом страшно переживал, вступил в Красную армию. К этому времени его отец уже не мог работать и точил деревянные ложки. Нужда заставила его жену (Лукерью Ефимовну) перейти из поварих в прачки. Дед Исаак умер в 1922 году.

От вечной нужды папа и мама ссорились. Причиной было то, что папа помогал своей матери растить детей после смерти Исаака.

Зимы были холодные, но нам хотелось бегать. Папа точил из березового полена нам коньки и обтягивал их стальной проволокой. Привязывали их веревками к подшитым папой валенкам. Делал нам шахматы из электрических роликов с фанерными головами. Толя у меня всегда выигрывал, а папа давал нам фору.

В школу я пошла уже почти в 8 лет. В том же году летом мы переехали в 2-х комнатную квартиру (пер. Уржатскому, дом 12). Сейчас его нет, разобрали. Там же счастливый сын богатых родителей Витька Михайловский. У них была домработница Поля. Она ухаживала за коровой. Доила и в ее обязанности входила поить Витьку молоком. Давала ему за это конфету. Завидовала я ему. Иногда Поля давала и мне молоко. В это время мы молоко не пили. Папа получал скромно, а мама от стирки, как она говорила, «поганого белья». Стояла у «поганого корыта». Суп был, а вот с сахаром туго. Нам его на кусочек хлеба насыпали. Мы так и говорили «И мне тоже посыпь». Училась я без проблем. А тут еще началась кампания Ликбеза, записали и маму. Ходила она куда-то 2 раза в неделю. Не успевала «сделать уроки». И мы за нее решали примеры. За 2 года она так ничему и не научилась. Как писала, так самоучка безграмотно и писала. Вот когда я жила в Печоре она, разозлившись на папу, писала мне письма. Они попадали в руки моим доченькам - грамотейкам. Мама вместо «все» всю жизнь писала «всо». Дочки говорили, сто у бабушки ошибок, как

звезд на небе. Потом они познали ее во всей «красе» в Томске.

Кухня была на двоих. Еще жили Шитовы. Старший Вася все говорил, почему я такая маленькая, ему бы хотелось на мне жениться. Мама стирала, полоскали белье в реке Ушайке. Мужик зимой каждый день чистил прорубь. Холода были ужасные. Белье выжимали, бросали в плетеную корзину. Заносили на 2-ой этаж и ставили в корыто размораживаться. Потом сушили. Вертки висели разумно, и белье приобретало необычайно приятный аромат. Помню, однажды я себе налила суп, чуть пожирнее, чем положено. Мама увидела, велела вылить и налить снова, «Не одна ты хочешь есть».

Ходила я в деревянную школу по ул. Равенства (Теперь Гагарина) 3 года. Холодные зимы и плохая одежда заставляли нас заходить в магазин погреться. Иногда из Старо-Череве приезжал дядя Андрей (брат Поли) с мороженым молоком и домашними пряничками на сале. Ничего это не радовало меня (папа был уже в Иркутске), т.к. мама и дядя Андрей пили, плакали и жаловались на судьбу.²

Я приходила из школы и все это заставляла. Все было так грязно, что мне хотелось убраться, помыть полы, унести окурки. Умывальник был обычный, с соском. Внизу стоял таз. Мы жили на 2-ом этаже. В темноте (было уже 9 вечера), мне негде было взять воды, и я помыла пол из этого таза (ведь мне было всего 11 лет). Утром было что-то ужасное. Грязные полосы. Конечно, мне попало.³ Потом он сгорел от непотушенной сигареты, выйдя на шахтерскую пенсию.

Когда уезжали из Томска, было невиданное наводнение реки Ушайки. Вода доходила до пер. Батенькова. Мы катались по двору на плотках и выплывали на улицу. Дожили мы на Уржатском до весны 1932 г. Год жили без отца. В 1931г. расформировали Томскую ж/д и сделали Кемеровскую и Новосибирскую. Папе предложили Новосибирск или Иркутск. В тот год он присылал посылки с

² Когда я училась в Томске, приезжал этот дядя. С бабушкой они так записались, что купила ему билет до Кемерово, отвезла на вокзал и даже купала ему вина, чтобы вывести бабушку из запоя.

³ Здесь истоки моей и Таниной любви мыть полы.

рыбой и деньги. В Иркутске жил на Мастерской у стариков. Дом и сейчас, видимо, стоит. Мы с братом Толей видели его 1980 г., когда ездили на юбилей школы.

Не было у мамы любви ко мне. Быть может, виной тому вечная нищета. Хороших слов я от нее не слышала. Все я у нее была кособокая. Еще у меня была невнятная речь, что было причиной насмешек. В результате, я была закомплексованной и неуверенной в себе. Это отложило отпечаток на всю мою жизнь.

Иркутск. 1932-1942 гг.

Дом стоял на берегу протоки Ангары. Севернее был остров, на котором находился лесозавод. От завода на город был деревянный мост. Наш дом был ниже моста. Когда я приехала, то в школах уже был бригадный метод обучения. Отвечал кто-то один из бригады. По литературе я никогда не отвечала, т.к. была «косноязычна» да я её и не знала. Дома книг не было, да и читать было некогда. А вот в математике я была АС. Все мне легко давалось. Никакого труда для меня не составляли задачи с условиями. За всех отвечала я. А уже потом в старших классах я знала математику на «Отлично». Меня любила учительница математики Пасшак Надежда Васильевна. Называла меня не иначе как Наденька. Какой это был человек! Она была сухощавая, умная, немногословная всегда элегантно одетая в одно и то же платье в рубчик темно-коричневого цвета. Знания мои, полученные в Томске были значительно выше, чем у одноклассников. Училась легко, без усилий. Помогала одноклассникам. Особенно запомнилось, как я несколько раз объясняла «тупицам» работу золотника в паровой машине. Очень удивлялась, почему непонятно. Ведь это просто! Алгебраические уравнения я любила решать. Когда внук Сережа не мог решить уравнение в школе, я ему подсказала. Он, как и его дед, Николай, как мама Таня не был силен в математике. Удивился он, что прошло столько лет, а я еще помню. Я сразу поняла, что Сережа не технарь. Он чем-то напоминал мне

покойного мужа. Николай Леонидович, мой муж, был немногословен, интеллигентный, «застегнутый на все пуговицы». Никогда и ни перед кем не унижался. Я не литератор. Не любила меня учительница литературы. Мои сочинения перечеркивала. Да откуда было мне все знать, ведь я ничего не читала, в доме не было библиотеки. Почерк у меня корявый, неустойчивый, не то что детский, а просто ужас. Злая была учительница. Могла бы поговорить, разобрать мои ошибки. ⁴

Вначале мы занимали одну треть дома, а в другой части жили начальник планового отдела отделения ж/д. с женой Верой Алексеевной, дочерью золотопромышленника Шумилова (Седашевы). Это были интеллигентные люди. Но они прекрасно работали на огороде и собирали хороший урожай. В 1937 году их постигла участь многих. Их выселили. Нам предложили их часть дома. Мы бродили по их дому, убрали мусор. Я нашла фотографию с портретом хозяйки. На снимке была горделивая красавица, украшенная драгоценностями. Мне их мир казался загадочным. Нравилась их манера разговаривать, держаться. Долго хранила этот снимок из неизвестной мне жизни. Вот тогда и появилась у меня своя комнатка. Мама потом встретила эту женщину в городе. Неприспособленная к труду, она быстро опустилась.

Тяжело заболела мама в 1932 г. сразу по приезду в Иркутск. 6 месяцев пролежала в больнице. Если можно сказать, то был голод. Я не знала, что на Украине в 1932-1933 гибли миллионы. Увезли маму в тяжелом состоянии. У нас на четверых было 4 картошки, а на дне бутылки 1-2 ложки растительного масла. Под «мудрым» советом старшего брата Толи, мы их сварили в мундире, разбавили водой и добавили масла. Разровняли сковородником (он у меня и сейчас жив с чудесной чугунной сковородкой). Уронила я все на пол всю эту жижу, ставя в русскую печь, чтобы зажарилась запеканка. Собрали с пола, поставили в печь и, безусловно, съели. Папа трудился из всех сил днем на ж/д, а вечером в горсправке. Еды не доставало. Ходили на барахолку, меняли на еду все, что можно было обменять. Продали отрез крепдешина, из которого мама

⁴ Но дневники написаны превосходно.

хотела сшить себе платье.

Однажды он где-то достал ящик простых конфет. Менял их на продукты. Собрав немного денег, пошел и купил буханку хлеба. Он такой же простофиля, как и я. Пришел радешенек. Разрезали, а там внутри был запечен овес. Он говорил, «досада». Нам давали паек 200гр. хлеба. Я ходила по понтонному мосту через Ангару в распределитель за хлебом. Выкупала на неделю. Несла я хлеб по движущимся толстым доскам, соединяющие баржи. Голова кружилась от журчащих зеленых вод Ангары и пахла она рыбой и сыростью. Доски так широко расходились, что можно было упасть в щель. Бетонный мост был построен потом. Я никогда не откусила даже от довеска. Ангара замерзала где-то в феврале и ненадолго. Бурное ее течение из Байкала в самом узком месте 700 метров раздробляло лед на куски. Вода пенилась, и безумствуя, раскидывала лед по сторонам.

Выписали маму с огромной раной на животе ниже пупка. Дети знают этот огромный рубец. Устал папа бегать к ней в больницу в Глазлово. Лечил прекрасный врач Промотов, без антибиотиков (их еще не было). Брюшную полость долго тампонируют. Все вынесла мама. Вообще-то она была здоровая. Когда в 1955г. косила сортовую пшеницу в пос. Ключи, то молодежь не могла угнаться за ней. Стирали и кипятили бинты. Долго она была нетрудоспособна. В школе у нас были завтраки суп и кусочек хлеба. Я съедала суп, а хлеб несла маме. Она с горечью и в слезах принимала и, чтобы не обидеть меня, съедала мякиш, а корочку давала мне. С осени мы начинали собирать картофельные очистки, в марте стали их есть. Они были мороженые. Мыли их и делали на железной печке «котлеты». Летом 1933г мама была уже на ногах. Сажали картофель и другие овощи. А есть все равно еще было нечего. Наш «предводитель» Толя организовал нас и мы все (и другие дети) шли на пыльный грязный базар, пахнувший омулями торговать водой. Брали чайники, на них надевали стакан. Воду мы набирали из каменной высокой водокачки (такие и в Томске до сих пор есть). К водокачке подъезжали лошади с бочками для воды. Когда лошади отъезжали, то струя воды еще лилась, и мы набирали

воду. Торговки овощами охотно покупали у нас воду по 5 коп. за стакан. Они обливали овощи и пили. А мы с утра до вечера ходили и кричали «Воды, воды, кому воды» никого не обижал. Даже выручали друг друга.

Молочницы приносили молоко в холщовых мешках: два спереди и два сзади. Четверть молока стоила девять рублей. За день мы не могли наторговать столько. Толя (пусть земля ему будет пухом) был сообразительным и находчивым. Брал два-три рубля займы у товарищей. На глазах у молочницы «ребенок» тщательно пересчитывал деньги, зажимал в кулаке, а когда та наливала молоко, занятую сумму отдавал. Добродушные молочницы деньги сразу прятали за пазуху. Мы никогда не воровали. Не помню разборок за территорию. И еще у нас был «промысел». Ходили на свалку по Иркутскому тракту с мешками и палками. Собирали консервные банки. Их принимали по две копейки. Толя собирал плохо. Потом мы узнали, что дальтоник. А в 10 классе у него обнаружили туберкулез - следствие плохого питания. Во дворе вырыли колодец для полива огорода. Воду для питья брали из протоки, куда выходила калитка. Особенно тяжело было полоть морковь, а картошка очень сильно зарастала мокрицей. Никогда её корень до конца не вытащишь. Так что приходилось полоть часто. Огурцы выращивали на грядках, а помидоры созревали на кустах. Еще декабрист Волконский стал заниматься здесь огородничеством. Иркутяне считают его своим народным героем и непременно заостряют на это внимание. Мы еще застали китайцев-огородников из Большой и Малой Разводной. Они на коромысле носили огромные корзины, которые едва не волочились по земле. Коромысло сильно пружинило. Потом как-то незаметно китайцы исчезли. Теперь понятно куда - выслали. А вот трудолюбие и их сорта овощей остались. Огурцы были «муромские». Мама их солила. Все хвалилась, что у нее их берут нарасхват. Деньги контролировали, и она непременно покупала 0.5 и была всегда подвыпившая. Папа и мы страдали от этого. Она знала, что если не допьет бутылку сразу, то надо ее спрятать от нас. Если мы находили, то выливали. Ругала она нас, ведь деньги плачены. Особенно доставалось мне. Окучиваем картошку, смотрю, она уже навеселе.

Анализирую. Смотрю, где уже окучена - следы, а в ботве бутылка. Принимаю меры. Долго это не ос тайной. Она сразу догадывается, что моих рук дело и несется брань. Я не очень обижалась, т.к. это было все бесполезно. Все я сносила молча, не могла перечить. Я и сейчас не могу дать отпор всякой гадине, меня обижающей. Не могу, как другие орать и находить оскорбительные слова. А жаль.

И еще мы развлекались, цепляясь за подводы, катились на коньках. Однажды мне чуть не изуродовали лицо хлыстом.

Часто я думала: вот у Вали Мирошнеченко мама-учительница, которая шьет ей наряды и прекрасно к ней относится, моя мама всегда говорила «не воровать же мне». Напротив Тани сейчас живет по ул. Учебной, 20 Люся Павлова. Отец ее был врач, дед был священником Петропавловской церкви, мать учительница. Она была у них одна. Они до революции имели 4 дома. Счастливая Люся. Люся носила кожаные сандалии и скакала через скакалку. Мама Вали Мирошнеченко вообще меня не любила. Валя приехала с Украины и не была сильна в учении. А я даже стала писать грамотнее, чем раньше, остальные предметы мне давались легко. Я хорошо окончила 4-й класс и мне должны были дать грамоту, но в классе училась девочка Каландаришвили. Ее отец погиб как герой Сибири. С ней носились. Грамота досталась ей. Мне сказали, что грамот не хватило. Я не очень расстроилась. У меня были другие проблемы - голод. В нашем классе учился Быстров Ленька, родители которого, видимо, были близки к продуктам. Он ел на перемене хлеб с сыром. Я хотела есть сильно-сильно и в голове у меня было так «Вот если бы Ленька накидал хлеба с сыром под потолок, то я бы сидела и ела».

Осенью я 1933г. я пошла в пятый класс. Вывесили списки. Муська Богданова и Соня Левинсон стали выбирать себе «женихов». Гранат Леонид и Герман, тоже приехавшие из Томска привлекли их внимание. Отец и мать у них были врачами. Жили в Томске в Нечевском переулке. А когда мы собрались лицезреть своих одноклассников, оказал что Герман горбат, а Леня - косой. Зато в армию их не взяли и они не погибли на войне. Есть фото (1980г), где мы

уже толстые старухи в их обществе. А остальные ребята на стене «Никто не забыт и ничто не забыто». Училась у нас Соня Бурзеева. Училась плохо. Я ей давала списывать, но особенно мы не дружили. Из 8 класса ушла из школы в аэроклуб. В 1943г., когда были большие потери, брали в армию женщин и малосрочников из лагерей. Соня ушла в январе, а в декабре 43г. уже была с ребенком. Оставила сына матери и уехала служить в авиаотряде таманской дивизии. Вышла замуж за героя СССР Рощина, который скончался от ран в 1946г. Родня мужа ее не приняла.

Встретились с ней после долгих лет, гуляли, смотрели места юности. Картина мрачная. Ангара безобразно обмелела, вылезли острова. Решили отведать ангарской. Но на меня что-то napало - согнуться не могу. Кончиками пальцев дотронулась, но отведать не решилась. Пошли с Толей смотреть знаменитый парк на месте бывшего кладбища (там были великолепные памятники похороненных золотопромышленников), где мы пасли коз. Я дошла до ворот по ул. Мастерской, села на лавочку, а дальше ноги не идут. Толя говорит «пробегу». Рассказал, что в парке кусты и скамейки сломаны. Спустились мы с ним с горы ул. Мастерской к тому дому, где жили 10 лет. Посмотрели бывшую протоку. Теперь это канава, полная хлама. Она просто перестала существовать, т.к. Ангару выше нее перегородила ГЭС. Дом показался ветхим, забор повалился, огород запущен. Мы с Толей остановились в одном номере, т.к. у нас одна фамилия. Я больше лежала, чем гуляла. Собрались мы в каком-то ресторане на ул. Ленина. Сели за стол. Меня спрашивают, ела ли я омуля. А я его и не вижу. Показывают мелкую, тщедушную рыбешку. Все пытались веселиться, а я была как во сне. Мне, после пережитой жизни было все равно. Прошлась и по улице 3-го Июля, по которой 10 лет ходила в школу и институт. И вот прошли десятилетия, а она все мне снится. И сейчас она неухоженная, не асфальтированная, без должных тротуаров. Поехали на автобусе в Знаменский монастырь. Не знаю, работал ли монастырь, но церковь готовилась к троице. Посмотрели могилы Трубецких и их детей. Дали денег на восстановление храма и купили по иконе. Конечно,

ширпотреб, но она освящена. А знамение на меня находят. Чувствует сердце задолго до горя. Когда в условленное время не поговорила с Сережей, то сердце мое погнало вдруг его разыскивать.

Летели мы над Братским морем. Море блестело на солнце, как большой алмаз. Ведь вода в Байкале особенная, чистая.

После окончания школы я могла бы поступить в медицинский, как брат Толя. Но папа отсоветовал, т.к. после окончания медицинского посылали в деревню. Конечно, я не могла послушаться. И так, я поступила в стоматологический институт. Он только что организовался, не было толком программы и достаточного количества преподавателей.

Институтский диплом я получила с отличием. Но то, что я серьезно занималась наукой, я бы не сказала. Голова была забита голодом, нищетой и всякими неурядицами. Маму в войну мобилизовали на работу в колхоз. На мне держались козы, куры и поросенок. Безусловно, помогали Толя (пока его не взяли в армию) и папа. Брала в студенческой столовой жидкие отходы. Студенты брали по 2-3 порции, чтобы насытятся. Галушки съедали, а ржаная жижа оставалась. Наукой занимались какой-то немец курсом выше и наш Косточка Абрамов. Работали на кафедре физиологии у профессора Никитина. Абрамов резко выделялся среди однокурсников. Учился хорошо. Настроение всегда хорошее. Некрасив, близорук. Не пользовался успехом у девочек. Надо отметить, что даже наши красивые девочки, приезжие с приисков Тайшета, были скромны и романов не заводили. Только Муся была влюблена в студента горного института, на базе которого позднее появился политехнический институт. Много у меня было связано с горным институтом.

В 1980 году специально ездила на него посмотреть и чувство чего-то дорогого утраченного сжимало сердце. Неиспользованные возможности, утрата времени, молодости и еще чего-то, что не выскажешь словами. Косточка одинаково относил ко всем девушкам. Только однажды, когда я сдала на 5 биологию у проф. Тимофеева (а остальных он просто выгнал), подошел и сказал что-то хвалебное. И еще позже, когда сдала биохимию на 5, он опять

восхитился моими успехами. У меня в доме был свой отдельный закуток, отгороженный от кухни, не отапливаемый. В своей комнате я чувствовала себя уютно. Одно время жила у меня Валя Федорова из Якутска. Иногда ночевала Нина Мирошниченко. Долго с ней шептались, уж и не помню, о чем. Уча биохимию, я находила наиболее трудные формулы и реакции и свернутой в жгут бумагой, макая в непроливашку, на старых газетах я рисовала эти формулы и развешивала по стенам. Они так и висели перед глазами. И вот вышла я гордая с пятерками в зачетке и снова Костя смог вымолвить только «Надя!». Некогда мне было заниматься дружбой. Не было времени ходить на танцы в горный институт.

Хорошо относился ко мне Миша Калашников, мой одноклассник. Тоже щедушный, сын одинокой матери. В наше время не было понятия «дружба юноши и девушки». Он поступил в горный институт в 1941г. и сразу ушел на фронт. Оставили только дипломников. Погиб под Москвой.

«Горняки» были счастливы, когда к ним приходили «стоматологи». Встречали у входа, помогали раздеваться. На наряды никто не обращал внимание. Под звуки оркестра начинались танцы, хотя танцоры были не очень умелые. За год ходили раз пять - шесть. А после 1941г. уже не ходили. Да и ребята все ушли в армию. Наши ребята погибли сразу под Москвой от сталинского приказа № 227 «ни шагу назад». Про этот указ я узнала гораздо позже. И сейчас, когда слышу звуки вальса, щемящая боль в груди говорит о чем-то не востребованном, упущенном, недостижимым, ушедшим далеко-далеко в невозвратное время. Ребят на курсе было 5-6 и мы их серьезно не воспринимали. Часто на крыльце нашего дома собирались мои и Толины друзья. На 1-ом курсе я в шахматном турнире обыграла всех с хорошим счетом.

В Иркутске и сейчас на берегу Ангары стоит большая библиотека. Я в нее ходила и в школьные, и в студенческие годы. Эта прекрасная библиотека с колоннами, копия столичной. Это я уже узнала на старости лет, слушая радио. Снова гложет чувство горечи. Валя Мирошниченко училась хуже меня, но, благодаря поддержке матери и относительному благосостоянию, добилась в

жизни многого. А я все сама да сама, как Оленька двух - трех лет сама одевалась и напяливала правый ботинок на левую ногу и все твердила «сама, сама».

Ходили мы и в театр. Покупали билеты по одному рублю на галерку, но не в центре, а сбоку. Сидели, веселились и ничего толком не видели. Тогда там играл Охлопков, пел Туманов. Потом они уехали в Москву. Не вбирали мы искусство всерьез, учитывая наше происхождение и уровень развития. И ничего более умного не могли придумать, как долговязого, курносого Федьку спустить его вниз головой, чтобы посмотрел, что там на сцене. От такой остроты напал неуправляемый смех. А я молчала. Все считали меня скромной, даже чересчур. А мне нечем было похвастаться, завести о чем-то разговор. В голове были мысли о неудачном рождении, бытие. Чувствовала себя ущемленной. Когда кончали институт, то готовили альбом. Стоил он 25 руб. У меня денег не было. Не очень я расстроилась, т.к. голова была занята предстоящим распределением. И вот я угодила Устьвымлаг.

Что это я все пишу о плохом, да о плохом? А как в детстве мы играли с упоением на берегу протоки Ангары? Там было два лесопильных завода. Один на острове, а другой ниже деревянного моста в месте впадения притока в Ангару. Бревна наслаивались одно на другое, вставляли дыбом. Лежали плотно. Мы забавлялись опасной игрой, прыгая с одного бревна на другое. При этом под нашим весом при прыжке бревно погружалось в воду. А берег, не очень чистый от щепок и мусора все-таки был хорош. Вода прозрачная, очень, очень холодная. Видно было на глубину один метр и более, течение в протоке медленное, бурлящее, покрытое пеной. По дну плавали байкальские быки. Голова большая, а тело убывало к хвосту. Люди их не ели. Тогда ели хариусов, омулей такие бедноватые, как мы. Мы на длинную палку прикрепляли вилку и, как гарпуном, ловили быков для кошки. А бармаши (бокоплавы) были везде, кучами. Без них не было бы жирной рыбы. Размер 3-4 см. Однажды папа приобрел лодку, подержанную, но ещё сносную. Сам ее отремонтировал и рыбачил. Нам он не разрешал выплывать из протоки. Но мы иногда выплывали

на «огневку» (стремнина). Лодку ворочало из стороны в сторону. Было страшно, и мы возвращались в протоку. Такой могучей была Ангара до постройки ГЭС. Мы созерцали Ангару с высоты горы, где находится Кузьминская церковь. Там течение спокойное. И были там наши огороды. На горах урожай был плохой. Картофель был поражен проволочником. А то, что Байкал суровый и седой, я убедилась, когда мне дали путевку в студенческий лагерь на станции Листвянка. Тогда были еще живы парни-горняки, переплывавшие Ангару. Они прыгали с понтонного моста (а там был круговорот). Долго не видно головы нырнувшего, но вот она появилась! На лыжах я не каталась, но видела всю красоту зимнего Байкала. Эту красоту я вспоминаю всю жизнь.

А еще в школьные годы ходили на каток «Авангард». Папа был председателем местного комитета своего Треста. Было модно за счет МК покупать детям коньки, подарки. Так что у нас всегда были коньки по размеру, не то, что раньше. По выходным на катке играл настоящий оркестр. Мы катались, грелись в «теплушках». Были здесь свои друзья и товарищи. Что-то вроде клуба. А дома? Дома была русская печь. На кухне стоял большой письменный стол, покрытый клеенкой. На печь на длинном проводе через дыру протянули лампочку. Так что на печке можно было читать. У меня книг не было, а Толя приносил. Не очень я читала, но помню, однажды взяла у него «Овод» и начала тайком. Он мне не разрешал и ругался «нечего хватать, большеглазая корова». Вот читала и дрожала от страха, что случится с Оводом, успею ли дочитать до прихода Толи. Валя спал на кровати, на кухне.

Чтобы заработать деньги, мы с мамой устроились кочегарами в общежитии. Хитрая уборщица всегда мыла, пока мы еще не натаскаем угля. Дежурили с мамой по очереди, в зависимости от моего расписания. Конечно, уголь ни в какое сравнение не шел с воркутинским углем, от которого оставалась кучка пепла. Приходилось хорошо мешать уголь, но не забывала о книгах. Как то рано закрыла вьюшку, чуть все не угорели. Мне влетело. Зато по рабочей карточке давали 800 гр. хлеба, а не 400, как по иждивенческой.

На каком-то курсе наши девочки решили сфотографироваться. Я немного вышивала, шила. Часто мастерила себе «наряды». Пока шли, пошел дождь. Моя блузка потеряла товарный вид, зато у девочек искусственные кудри распрямились, а у меня стали волнистыми. Все находили меня хорошенькой, умной, но я сама так не считала.

Не помню, с какого времени мне стал сниться сон, что летаю. Но даже в Печоре я летала. Летала над нашим огородом, протокой и говорила «Смотрите, не видите - я летаю». Летала над прекрасным ландшафтом, над голубовато-зеленой водой в нежно, в голубом небе. Просыпалась отдохнувшая. Позже и в Томске летала, но под потолком огромного зала, и снова убеждала людей, что летаю. А сейчас в 3 часа ночи просыпаюсь от страшного сна, дико колотится сердце - аритмия. Боюсь страшно. Сажусь на край кровати. Сердце, вроде, успокаивается, но заснуть страшно.

После окончания института меня направили в Устьвымлаг. Провожали на поезд папа и Толя. Шли эшелоны с боевой техникой и людьми. Папа, благодаря хорошему отношению к нему на работе, достал мне даже плацкартный билет.

Во время войны родители остались в доме одни. Я была на Севере, а братья в армии. Нашелся какой-то чиновник и стал выживать стариков из дома. Папа, хоть и воевал за Советскую власть, но после моего крещения в Томской губернии Паламошинского р-на село Романово, его исключили из партии. Так что он веса в борьбе за дом не имел. Самые лучшие годы я провела в Иркутске. И часто снится мне Ангара, моя дорога в школу, все это мне навеки дорого.

Ропча. 1942 -1952 гг.

После окончания Иркутского медицинского института, в 1942 году я выехала по назначению на работу в Коми АССР. В составе группы из лучших студенток-комсомолок получила направление в ИТЛ. По своей наивности тогда не понимала, что это такое. Родители некоторых студентов хлопотали, чтобы их детей оставили ближе к дому, а мне было все равно, куда ехать. Тем более,

пришло извещение о гибели под Москвой Мишки Калашникова, с которым мы дружили. Почти всех парней нашего курса с первых дней забрали на войну, и мы уже успели получить несколько похоронок. Мне шел 21 год.

Ехали в переполненных вагонах, гнали с Востока на Запад все и всех. Не знаю, как бы добирались, если бы не мой отец, всю жизнь проработавший на железной дороге и доставший мне билет, да ещё и плацкартный. По дороге в городе Кирове встретила опухших от голода, в каких-то опорках от солдатских сапог Тоську Жилинскую и Тамару Демушкину, студенток медицинского института. Они ехали из блокадного Ленинграда, окончили Ленинградский медицинский институт и работали врачами на эвакуации по Ладожскому озеру. Им было все равно куда ехать, и они поехали со мной. Прибыли в Котлас, где нас хорошо встретили, выдали продовольственные карточки до конца октября и тут же отоварили их хлебом и колбасой. Мы сразу все съели. Тоську с Тамарой понять было можно, они голодали, ну а я за компанию.

Не помню, как добрались до станции Вожаель, где располагался штаб крупнейшего Устьвымлага. Царствовал там Выползов.⁵ В отделе кадров – Круглов, брат министра МВД СССР, пьяница. Разослали нас по ОЛПам. Меня в 12-й, Тосю в 14-й, Тамару в 18-й. Мы были голодненькими, мягко говоря. Тоска сразу вышла замуж за заведующего овощехранилищем. Мне тоже делал предложение какой-то снабженец, но я отказалась. Томка дождалась возвращения с войны друга в чине, уехала к нему и затем отписала нам в письме, что сидит в шезлонге на берегу Рижского залива.

Лев Разгон в «Невыдуманных рассказах» о нас, комсомолках, пишет как о несмышленных «вольняшках». Бог с ним. У нас судьба была не лучше, и мы не могли так приспособиться как он, работавший приемщиком леса.

Начали жить мы 4 девушки в одной комнате. Заключение нам помогали дровами и даже топили печь. Нас никто не трогал. Все жалели. Мне не было

⁵ Здесь мама ошиблась. С 1941 по 1944 начальником Устьвымлага был Тарасюк. Жестокый и властный. С 1944 по 1945 – Еремеев. С 1945 по 1948 – Выползов, любитель театра и всего прекрасного. С 1948 по 1951 Шерстнев. О них хорошо написал Лев Разгон «Плен в своем отечестве».

работы по специальности. Зубным врачом работала жена замначальника ОЛПа Алдунова. Определили меня терапевтом в стационар, где работали врачи из заключенных, очень квалифицированные. Я работала в стационаре и по обслуживанию вольного населения. Но так как я в качестве врача-терапевта не представляла особой ценности и не принадлежала ни одному начальнику, да ведь мы ещё и комсомольцы – поэтому часто добровольно-принудительно попадала на лесоповал. В каптерке давали ватные штаны. Проблемы с валенками не было, т.к. мы носили не мужские размеры. Сушим валенки, сожжем и опять с невинным видом идем в каптерку. В лагерь я попала, когда уже прошла большая смертность. В том числе погибло много поляков в 1939г. Сначала их спасало золото. Но его хватило ненадолго.

В лагере находились и бесконвойные заключенные. Между ними тоже не было равенства. Выживали мужчины сильные, имеющие специальности, профильные для лагерного производства. Особенно я восхищалась мужчинами пилоставами, они работали прекрасно. Нас всегда обеспечивали лучковыми пилами (лучками) самыми лучшими, крепкими, острыми, настроенными точь в точь: не туже и не слабее. Хочется сказать о рекордистах, которые в день давали по 17 кубометров за смену. Они, так работая, получали дополнительный паек, но быстро, за год-два истощались и гибли, как все. Атрофия мышц была столь ужасна, что у мужчин при движении зиял задний проход. Но так как мы сами были голодные и работали наравне со всеми, то и воспринимали это в порядке вещей. Крамольных, критических мыслей тогда не было.

Нас не заставляли валить деловой лес. Валили рудостойку для Воркутинских и швырок, которым топили паровозные топки. Грузовики, ходившие по лежневкам, топились газочуркой. Мы честно напиливали по 2 рауметра. Еврей Занабенд не заставлял нас жечь сучья. Сам жег. Он давал справки, сколько кто сделал. Мы быстро освоили, очищать комель от снега, подрубить, пилить. Пила сама вгрызалась в мягкую древесину, как в масло.

Зимой мы возвращались по натопанной тропе и не мочили ноги, но весной уходили утром по насту, а днем, бывало, проваливались в болото и дома с

трудом стягивали друг с друга валенки. В лес мы приспособились ездить на лошадях. Вместо телеги крепились бревна, на которые укладывали лес. Мы садились сзади возчиков, обнимали их за шею и ехали. Это были уже не мужчины. Они нас, молодых, очень жалели. Ели в столовой, давали суп, где крупинка за крупинкой гонялась с дубинкой. Ещё была треска, хлеба получали 400 грамм.

Потом мы переехали из барака в рубленый дом, где с другого входа жила семья оперуполномоченного, вернувшегося с фронта и был без руки. У меня была отдельная комната без двери. Зав. столовой Лида Чернушка меня подкармливала. Она у меня в комнате поставила сундук с вещами. В то время из Америки получали лярд (сало) и еще что-то безвкусное. Она у меня переодевалась и оставляла в тумбочке что-нибудь съедобное. Я потом от девочек съедала, т.к. судорогой сводило живот от голода. Однажды господь меня покарал. Я в темноте укусила, а оказалось это самоваренное мыло неправильной формы. Меня рвало.

Мы были обитателями Устьвымлага, это недалеко от Москвы. Это не Магадан и не Колыма, а ведь даже оттуда возвращались. Не случайно Лев Разгон получил должность нормировщика и разъезжал с начальством на машине. К зав. пищевой лабораторией профессору Златковскому несколько раз приезжала жена, да и я, будучи уже замужем, бывала у них в Москве на 2-й Тверской – Ямской. «Западники» часто получали из дому посылки с салом. Таяли на глазах рекордисты на лесоповале, «доходили». Но в целом, в те годы, что я там была, для многих категорий населения условия Устьвымлага были лучше, чем в дальних лагерях. Я не захватила, конечно, самые страшные годы организации лагеря, когда погибло здесь много людей. В лесу было много грибов, ягод. Правда, бывали случаи смертельного отравления сморчками, строчками и другими грибами, на которые набрасывались в грибной сезон голодные люди.

Мы часто бегали на конебазу. На лесоповал мы приспособились ездить на лошадях, шли на конебазу, искали там каждая своего возчика, садились позади

него, обнимали за шею и ехали, а позади нас болталась огромная цепь и подсанки, которым за один раз вывозили 4 хлыста из глубинки. Истощенные возчики не были уже мужчинами, никакого желания не было у них нас обидеть, а только жалось и добро мы видели от них. Конбаза представляла собой территорию, где были собраны лошади со всего Советского Союза, пораженные инфекционной анемией, на вечное поселение. Где бы ни воспитывалась лошадь, каких кровей ни была, какой бы породы, будь то пятигорский или орловский рысак или владимирский тяжеловоз, если у неё обнаруживали эту инфекцию – грузили в отдельные вагоны вместе со всем скарбом, что с ней соприкасалось: со сбруей, с седлом, с овсом – и отправляли, как людей, на вечное поселение и гибель. Вагоны, в которых везли их, обрабатывали креозолом. Существовало распоряжение, запрещающее использование шкур этих лошадей и вывоз их с территории республики Коми. После падежа их шкуры закапывали в мерзлую землю или сжигали. Сначала это лошадь как лошадь, например, красавица Русалка. На ней ездил заведующий конбазой грузин Самсон Дмитриевич Тапурья. Он и по сей день, видимо, безбедно проживает в родном грузинском городе Тиберда. Все звал нас к себе в Грузию, говорил, что примет нас как самых дорогих гостей. Так вот, ехали мы как то с ним в кошевке по накатанной дороге. Кругом сверкает снег. Лошадь Русалка бежит, грациозно переставляя ноги. Тонкая, изящная, только морда у нее грустная. И внезапно у неё начался приступ. Температура поднялась запредельная, голова поникла, глаза приобрели ещё более грустное выражение. А лечения никакого, кроме камфоры. После 2-4 приступов лошадь, как правило, гибла.

У меня тоже была «свой» мерин. Ехала я как-то зимой в 9-й ОЛП. Дорога накатана, лес кругом уже вырублен и кругом глубокий снег. Он оступился и по грудь ушел под снег. Я слезла, а распрягать и запрягать не умею. Ждать встречного бесполезно - глухомань. Вылезаю из-под тулупа и говорю: «Справляйся сам». Смотрит он на меня грустными глазами. Ждать помощи неоткуда. Но потом сделал рывок и встал на дорогу, но не уходит, ждет моей команды. Летом нас с ним снова послали на эту злосчастную командировку.

Смотрю, кругом полно голубики. Поставила лошадь у пня, чтобы потом залезть. Поела ягод, а он так и ждал меня... Здесь же, на конбазе, работал Николай Леонидович Сергеев, мой будущий муж.

Мой внук, Сереженька, напоминал чем-то покойного мужа Николая Леонидовича. Нет, не обликом, а духовной сдержанностью и абсолютной порядочностью. И еще чем-то, что я не могу высказать словами.

Печальна судьба Леонида Николаевича, его матери и бабушки Леониды. Бабушка Леониды происходила из знатного рода, живших в Санкт-Петербурге. Полюбила красивого мужчину, но не своего круга. От этой любви родился сын. Имя мать ему дала Леонид, а фамилию по имени настоящего отца. Неизвестно, где воспитывался Леонид, но мать ему дала хорошее образование и купила ему аптеку в г. Симферополь. Она и сейчас стоит. Он был провизором. Когда я бывала проездом в Ялте, все мечтала увидеть родовое гнездо мужа, но так и не смогла по всяким причинам. Женили его не на дворянке, а на дочери купца (чайная торговля в Москве) Бирюковой Людмиле Ивановне. У Людмилы было много братьев и сестер: Софья, Иван, Игорь, Натали, Николай, Ада. Долго Людмила Ивановна не могла родить, т.к. были проблемы со здоровьем. Беременная Николаем, она 9 месяцев лежала. Желанный ребенок воспитывался мамой и ее сестрой Адой. Отец мужа умер в 1910 г. в Симферополе от заражения крови, когда сын был еще совсем мал. Лечил себе нарыв на колене. По догадкам, Л.Н. учился в Москве. Он вспоминал, как праздновали 300-летие Романовых. Он приветствовал их. Вроде, принимал участие в революции (говорил, ходили с красными флагами). Но достоверно был в Красной армии и воевал на Кавказе. У него на лбу был небольшой шрам. Потом оказался с матерью в Рязани. Там и умерла его мать в 1927 г. Он почему-то не ездил на похороны. Там окончил школу и начал работать. Потом поступил в московский ветеринарный институт. На последнем курсе институт перевели в Ленинград, где он его и окончил.

В 1932 году встретил красивую женщину с ребенком (Игорем Соколовым) и женился на ней. В этом году уже было беспокойно. Она бросила мужа

Соколова. Занимаясь личной жизнью эта женщина (Ольга Платоновна) не дала Игорю образования. Во время войны он был стрелком на самолете. На всю жизнь Игорь сохранил тепло отношение к моему мужу. Приезжал к нам в Печору, когда Н.Л. был жив и даже приехал на похороны. Оля ездила к нему в 1963 году. И в Томск он приезжал уже после смерти мамы. Когда отца посадили, то Ольга Платоновна приезжала к нему один раз. Потом развелась и опять вышла замуж. Но это замужество оказалось для нее роковым. Муж ей изменил с ее же молодой родственницей. В 1957 году после реабилитации муж съездил в Ленинград, чтобы восстановить диплом. Они встретились. Просила она вернуться, ответил, что у него молодая жена и две дочери. После этого они еще переписывались. Муж не прятал письма. А через год она отравилась. Игоря выгнали из дома на Фонтанке, 6.

Сначала Н.Л. отправили в Таштагол на общие работы.⁷ Видела я севдорлаговцев в Ропче. Это были ходячие пергаментные скелеты. Гравий есть не будешь. В пос. Ропча был их лазарет напротив нашей зоны. Н.Л. быстро попал в Сиблаг и уже работал по специальности. Потом спецконвоем его отправили в Устьвымлаг.⁸

Впервые я его увидела в зеленом бушлате, когда он был зеком. Но т.к. мужчины меня мало интересовали, я ничего и не подумала. Однажды у нас сломался градусник, и я отправилась занять его у ветеринаров. Обратила внимание на его чрезвычайно благородное, красивое лицо. Держался он как хозяин лаборатории и всего штата. К нему обращались по имени - отчеству. Спросила я начальника санчасти «кто это?». Но тот, имея на меня виды, сказал, что конюх. Я подумала, все может быть. И забыла. Жил он на конбазе в отдельной комнате, если можно назвать так его каморку. Прислуживал ему евангелист Горидов Константин из Белоруссии. Сидел за отказ воевать. С ним

⁶ О его работе до ареста смотри в его деле.

⁷ А это недалеко от Кемерово, где росла мама.

⁸ Мама рассказывала, что отца знал Тарасюк. Возможно, они встречались на Кавказе отец бывал по службе. Он же и перевел отца из Сиблага.

была дочь Аня. Они Н.Л. стирали, готовили. Получали паек прямо с базы. Зав. базой был бывший дипломат Разовский, с которым считалось все начальство: видимо, умел управлять усушкой и утруской. Думаю, что Горидов за месяц получал не один паек. Да и не он один. Тем не менее, это был настоящий интеллигент, помогал таким же, я думаю. Горидову он давал дополнительный паек, кроме того, они использовали в пищу овес, выдаваемый лошадям: уж лошади –то не голодали, сена, правда, не хватало, но был веточный корм, заготавливаемый летом «доходягами». У них не было сил убежать. На конбазе было много овса для лошадей. Из овса готовили кисель. С голодухи я не чувствовала горечь овса. Горидов был очень сильный. Роста был большого, широкоплеч, запросто поднимал для осмотра ногу лошади. Лошади его любили и не сопротивлялись, ведь они, как люди, чувствуют, что им помочь хотят. К моему мужу относился с большой преданностью, ухаживал за ним, как за баринном. Ведь Николай Леонидович ничего не умел делать руками, за 32 года совместной жизни и гвоздя не забил. Но любил колоть дрова, делать лучину. Всегда с вечера «заряжал» печку и утром она вспыхивала от одной спички. Любил ухаживать за дочками, убирал после них горшки, вытирал попки.

Горидов освобожден после 1947 года, у нас было уже двое детей. Пригласил в свое родное село Навлю. Мы ездили к нему в гости в Навлю в 1949 году. Приняли очень хорошо. Младшему его сыну было 12 лет. Он пас гусей. Таня и Оля ему помогали. Поселили нас в новой избе. Пахло свежим деревом. Мы с Н.Л. ходили по дубовому лесу. Кругом были следы войны: воронки, оставшиеся на местах боев. Валялись каски и много других металлических предметов. Горидова потом снова арестовали и выслали, но уже в Казахстан.

Не могу не рассказать, как уважительно к мужу относилось начальство. Он ни перед кем не заискивал, не унижался. Даже такой заядлый чекист, как Дубровский, его уважал и спокойно воспринял наш брак. Уважение и почтение к нему, как лучи солнца распространялись и на меня. Когда я шла по зоне зеки (даже уголовники) говорили «вот идет Сергеева». И даже паханы так относились к нему, сначала одноглазый Браун, а потом грузин Чкариули,

высокий брюнет, одетый всегда в отглаженную белоснежную рубашку, который почти никогда не ходил на работу, а если и выходил за зону, то уж точно никогда не работал. Они не знали, что я не меняла фамилию. При регистрации в Вожаеле я фамилию не меняла. Не хочу сказать, что я такая дальновидная была, но Сергеев, видимо, это приветствовал.

Все начальство имело в зоне жен из числа заключенных женщин. Я работала терапевтом с врачом Трилиским Тихоном Яковлевичем. Он все обо мне знал. У него была жена эстонка Мария Эсс. Она работала в прачечной. Стирала мне белье, даже детское. Ведь у меня не было даже таза. Мылись в зоне поочередно с зеками в одной бане. Там были шайки. Тихон Яковлевич был со мной строг, хотя у меня было много привилегий, как вольнонаемной. Все больные, которых не освободили с вечера, утром требовали меня. Если я не могла прийти к 6 утра, они меня ждали, даже нарядчики. Ни одного я не оставляла незаслуженно. Только больных и сильно истощенных. Беседовали с каждым и принимали решение. В 1943 г., когда армия несла огромные потери, вышел указ, что малосрочники могут идти служить в армию. Что было! Даже доходяги хотели идти служить. Я возглавляла комиссию. Вернее, ставила подпись. Это был праздник для несчастных людей. И уж много позже я узнала, что их использовали как пушечное мясо, посылая на верную гибель во время наступательных операций. Хотели телами наших парней завалить немецкие танки. Наши заградотряды минировали поля позади наступающих. Когда мы собирались в 1980 году на встречу выпускников в Иркутске, то среди нас мужчин были только два брата – калеки Гранатовы, остальные – на стенде «Никто не забыт», в том числе мой Мишка.

Стоматологию я не знала, а что знала, то забыла. Врачевать не научилась, так, по интуиции кое-что. Работала в стационаре и на обслуживании вольнонаемного населения. Моя медицинская безграмотность делала меня очень осторожной. Заболел ребенок на ст. Ропча. Да и как не болеть, ведь это не пересказать, как в теплушках гнали украинцев, работавших на немцев в оккупации. И потом, как они работали путевыми рабочими,

неприспособленные к жизни на севере, мерзли под леденящим душу ветром. Бараки отапливались углем, и за ночь все это выдувало. Я ребенка посмотрела и побежала в зону за своей «головой» - немкой с опухшими от голода ногами. Она в прошлом была врач педиатр. Расписалась я на дощечке, на вахте, что она не убежит, и я её верну. Пошли по шпалам. У ребенка оказалась пневмония. Уже у нас был пенициллин и другие медикаменты, вывезенные Европы. Делала ребенку уколы четыре раза в день. При освобождении Европы от немцев нам достались трофейные медикаменты, английские и другие. Тогда сульфадемизин уже вылечивал устойчивые формы венерических заболеваний, устойчивую к антибиотикам гонорею. У нас этих болезней было достаточно. Венерические болезни завезли этапами женщины, обслуживавшие немецких солдат в оккупации, так называемые немецкие проститутки, милые русские красавицы, угнанные на утеху немецким солдатам.

Судьба спасла меня тогда. Мы с немкой не замерзли и доползли до зоны. Она меня учила, как летом лечить от обезвоживания ребенка при дизентерии. Когда в 1946 году заболела моя Оленька, это знание спасло ей жизнь.

Я много работала, уходила на лесные работы, т.к. нас заставляли работать на лесозаготовках. У меня пропало молоко и Аня напоила дочку коровьим молоком. Лето, жара, в поселке вспышка дизентерии. Вечером у дочки началась рвота, понос. Лилось как из гусенка. К утру у меня не осталось ни одной тряпки. Поклялась, что не сомкну глаз до утра. В шесть часов понесла ее в зону. Это был безжизненный комочек. Сама сделала назначение. Ввела ей свою кровь в попку, а под кожу животика физраствор и глюкозу. Долго она еще болела. Стала я искусственницей, т.к. перегорело у меня молоко. Во время войны из жестяных банок делали мерки 50 и 100 грамм. Детям давали зимой молоко по 50-100 миллилитров, наливая их в мерки, сделанные из этих жестяных банок. Не буду грешить, мне Карповна, работала в коровнике, в своих хохляцких юбках всегда приносила молоко в солдатской фляге. Носила молоко она и оперуполномоченному и начальнику ОЛПа.

Я любила работать на своем огорожке, потому что было приятно видеть

Карповну, Горидова, фельдшера А.А. Сылку, благородных людей, всегда готовых прийти на помощь, очень уважавших Н.Л., дававших мне должное за то, что я подарила Николаю Леонидовичу детей. Частенько я наблюдала такую картину: одна довольно пожилая кобыла страдала сердечной недостаточностью, вообще - то она иногда пила в зоне воду в бочке, никто не принуждал её насильно к работе. Когда ей становилось совсем невмоготу, она ковыляла к амбулатории, где Горидов или Сылка вливали ей большую дозу камфоры. Н.Л. лечил также и коров.

На зоне нельзя было оставаться без мужа. Слишком много было охотников до молодых девушек. Сватала меня выйти замуж за Н.Л. Карповна. Все вместе (я, Горидов, Карповна и Н.Л.) сажали картошку (это вроде ухаживания). Не жалею. Это был человек с большой буквы. Долго я не беременела, т.к. слишком была истощена. Н.Л. очень жалел, что я не беременею. Но где мне было забеременеть, ведь я была истощена не менее, чем заключенные. Лишь в марте узнала, что будет ребенок. Радости Н.Л. не было конца. Ходил с сияющими глазами, мурлыкал себе что-то под нос. Сразу нам дали новое жилье – комнату с кухней. Все были за меня рады. Заключение немка из моего единственного платья сделала фасон под новую фигуру. Платье получилось очень элегантным. А тут ещё под новый Год меня перевели на литерный паек, наравне с начальством. Ели мы в столовой с Сергеевым, одной порции хватало на двоих. Так что не с голода я замужем. Дали дополнительный паек плюс карточка беременной. Мы разбогатели. Нашу радость разделяли все. Никто меня уже не посылал на лесоповал, работала сколько могла, утром на развод уже не бегала. Мне все прощалось. Николай Леонидович вечерами прикладывал ухо к животу и разговаривал с ребенком. Журил меня за злоупотребление сахара. У него ведь не было детей от прежней жены.

Еще 26 декабря 1944 года стояла в очереди за пайком. Головка давила на левую ногу. Больно было. (с тех пор левая нога худее, чем правая). Потом в очереди опомнились и пропустили без очереди. В Ропче не было родильного дома. Акушерка Робина обещала помочь дома. Перед родами я еще выскоблила

скобарем пол.

Однажды ко мне в холодный день постучалась девочка подросток в телогрейке, голодная. Покормила жареным картофелем. Не могла ее вышвырнуть на мороз и оставила ночевать. Аня Торш (так звали девочку) привязалась к Танечке. Я решила, что едой мы богаты, пусть у нас живет. Она гуляла с Танечкой, возила ее в прекрасных санках, сделанных из ивовых прутьях со стальными полозьями. Дороги заливались водой для вывоза леса и санки прекрасно скользили.

Еще кормя Танечку, я снова забеременела Оленькой. Для моих родов в лазарете оборудовали палату. 21 марта 1946 я еще искупала Танечку, уложила спать. И в 22 часа на свет появилась Оленька. Опять помогла Катя. Н.Л. приходил под окно. Держали меня шесть дней. Когда я пришла, Таня жалась к Ане - евангелистке и называла ее мамой. Мне было обидно, но без Ани я не могла обойтись. Вообще среди охраны и начальства было принято брать заключенных для какой-либо работы. Они подкармливали бедолагу, и за этот кусок он работал на них. Когда забирали заключенных из зоны, об этом производили запись на сосновой дощечке, после возвращения всю эту надпись соскабливали. Я обходилась помощью Ани. Таня спокойно приняла появление «Ляки», так она её называла. А ходить начала поздно, так как страдала рахитом. Посылаю Таню посмотреть, что делает Ляка (Таня ее так назвала). Приходит и говорит «Ляка бай». Таскала обеих на руках.

Тут освобождается квартира зам. нач. ОЛПА Якубовского. Нам дали две комнаты с кухней. Не знала я забот, на работу не ходила. Пошла летом и чуть не потеряла Оленьку. Потом я ещё несколько раз беременела, но делала аборт. Хотя внешне все было спокойно, но в глубине души жила тревога за будущее Николая Леонидовича. А одной мне не поднять больше двоих детей.

Мой домишко стоял близко от вахты на берегу староречья р. Ропча. В центре, между руслом и староречьем, колючая проволока. Через староречье - мост. По нему сначала прошли, а потом большинство было вывезено на погост. Шло их много. Шли понурые, невзрачные. Запомнилась красивая женщина.

Она шла с гордо поднятой головой. У неё были голубые глаза, вьющиеся волосы, а юбка разорвана «от и до».

Ко мне стали предъявлять претензии, что я по образованию стоматолог, а работаю в больнице. Дети подросли и люди (в частности, Левит) посоветовали ехать в 1951 году в Москву на усовершенствование. Не успела сесть в поезд, дети заболели корью. Моя мама, которую я вызвала, немного опоздала. Многое я получила в Москве. Учили Мясников, Певзнер, Коган. Ходила в театр. Особенно запомнился юбилейный спектакль «Пиковая дама». Пел Лисициан. Возвратилась летом. Привезла детям костюмчики, кукол. Есть фото. Ничто не предвещало беды, аресты ещё не начались. Шла осень 1951года. День был солнечный, ясный. Приготовила обед и ушла в больницу. Вдруг вызывают домой. Прихожу, а в кухне сидит Н.Л. и конвой. Никто ничего не знает. Даже начальство ничего вразумительного сказать не могло. Вечером увезли его в Княжпогост. Отвела детей на коровник к Карповне и поехала в Княжпогост. На пересыльном пункте нашла мужа. Он меня плохо принял. Говорил, что между нами все кончено, чтобы уходила. Долго я пыталась что-то узнать. Потом мне показали бумагу. Там было «ОСО». Никакого обвинения. Как потом стало известно, что Сталин опомнился, что зеки возвращаются, будут рассказывать, и их снова стали сажать. Мероприятие приняло такие масштабы, что конвоя уже не хватало. Ждала. Их посадили на поезд до Воркуты. Этим поездом поехала и я. Вышла на своей станции. Дети за эти пять дней пропахли навозом. Начальство наше ничего не могло мне пояснить. Да и что мог сказать Якубовский И.С., солдафон с 4-классным образованием. А вот люди, среди них и коми, были участливы к моей беде. «Комячка» Оля Ивлева, телефонистка, сообщила мне, что Николай Леонидович находится в Печоре и работает на конбазе врачом при лесокомбинате. Тогда были так называемые «тычки» и телефонистки знали все «особо секретные» разговоры.

Снова увела детей на коровник, села на котласский поезд и поехала в г. Печору. Милиция проверила мои документы и сказала, что вот дорога прямо на лесокомбинат. По ней возили лес к поездам. Иду. Вдруг учуяла знакомый запах.

Конюшни были большие. Спрашиваю конюха Вишнякова, где Сергеев. Спрашиваю, где спит. Отвечает - на конемойке. Подхожу - ни следа. Страшные мысли возникли в голове. Рассказывал Н.Л. мне, что в тюрьме резал вены, так хотелось умереть. Но потом глаза его загорались блеском, и он говорил, что господь за все его мучения дал ему жену и детей. Почему то подумала о веревке. В три часа ночи вернулась на вокзал. Милиция пригласила к себе в теплое помещение и дали раскладушку. Не могла я спать и в пять утра отправилась на конебазу. Вижу его. И что же? бросился ко мне? Нет! Снова стал гнать. Спать он ходил в общежитие. Он боялся за меня, за детей, что они попадут в детдом. У нас сидела Мария Александровна Копьева, работавшая врачом в стационаре 12-го ОЛПа.

Моих родственников Н.Л. не знал. Конюх говорит, не гоните ее. У вас такая красивая жена. Пошла я в конемойку. Там было много ваты и марля. За 3-4 часа сделала ему толстое, теплое одеяло. Уже в кошевке меня подвезли к поезду. Почти целый год прожил один в Печоре. Жил в общежитии и в конемойке. Каждые две недели ходил отмечаться. Над ним стоял заведующий конбазой, рыжий, рослый, почти безграмотный мужик из бывших заключенных. На «контриков» он глядел свысока и соответствующим образом обращался с нами.

Добрый коллектив часто отпускал меня в Печору на свидание к мужу. А в феврале он попросил привезти детей. Сняли комнату в гостинице. А у него температура, рот опух. Вырвали четыре передних зуба. У него были белые с голубоватым оттенком зубы, довольно непрочные, как у Тани. А ко мне в Ропче стал привязываться начальник ОК, хотя сам был женат, говорил мне комплименты и приглашал поехать к родителям. Девочки гнали его поленом. Кстати, о полене. Когда я принесла Олю, то Таня заворачивала в пеленки полено и укачивала. Куклы у нее не было. К нам приходило много заключенных, и кто-то сшил ей куклу.

Стала я думать о переезде в Печору. Сходила в ОК Печоры. И Соколова, простая женщина, сказала, что стоматолог нужен, даже сохранят 30% надбавок МВД. В Ропче мне очень помогли. В помощь мне дали огромного мужчину,

Перевозчикова. Грузили скарб на разъезде Крепежный. Только кот Васька не хотел уезжать, убежал в лес. Его с трудом поймали. Куры ехали в багажном вагоне. Все яйца, что они снесли, отдала проводникам.

Надо отметить, что условия в Устьвымлаге были гораздо лучше, чем в других лагерях. Прямой поезд до Москвы позволял все-таки снабжать продуктами. А во время войны посылки для заключенных одобрялись. А может я приехала позже повального мора. Так вымерли поляки, которых пригнали в 1939 году. Знаю, что китаец Сун Хун Фу сшил мне комбинированные туфли из польского кошелька и еще чего-то. Китайцев было мало.

Когда меня внезапно вызывали на работу, ко мне домой посылали бесконвойного зека. Он ложился на пороге, укрывался бушлатом и сторожил дочек. У меня не было постоянного дневального, как у многих вольных в зоне. Мне помогала девочка Аня, которую я приютила, и другие друзья.

Быстро погибали люди в лагере. Мне особенно запомнился один крепкий парень. Этот рекордист пилой лучком пилил 17 рауметров в день. Получал доппаек. Это железный лист наполнялся разваренной перловкой. Это все застывало и резалось на квадратики. Квадратик это и был доппаек. Я была свидетелем постепенного истощения этого силача. Основным видом сплава был молевой. Весной в разливы реки сбрасывались баланы, они могли утонуть и осесть на берегах. Установить точные цифры выработанного было невозможно, да и не было такого честного ревизора, как мой отец Клепинин Н.И., который ездил по лесосекам и считал, по словам сотрудников Томлеспрома, не только бревна, но и «щепки».

Люди, с которыми мне пришлось встретиться в лагере, запомнились мне на всю жизнь. Левит Александр Ефимович, бывший санитарный врач Кремля, стал санврачом Устьвымлага. Его жена, актриса, в это время продолжала жить в Москве и выступала в театре им. Ермоловой. Он ввел обязательную прожарку одежды, что избавило людей от нашествия вшей. Обжаркой занимались заключенные, и это было хорошее место работы, так как другие работы, это лесоповал, пилорама и др., вне зоны, на морозе. Тогда, при дефиците мыла,

голоде, в Устьвымлаге не было вшей! И в этом была заслуга Александра Ефимовича. До Левита был полублатной врач Зотов, если его можно было назвать врачом. Когда я в 1949 году первый раз поехала в Москву, Левит порекомендовал найти его сестру Еву, проживающую на 5 Донском переулке. Он знал, что я еще несмышленица, а его родные меня не обидят. Я ни разу до этого не видела его жены, а Ева принесла мне билет в театр Ермоловой на спектакль «Пушкин». Там жена Левита играла даму в красном. Ее портрет я видела в фойе. Пушкина играл В.Якут, друг сыновей Левит. Об успехах этого спектакля говорила вся Москва. «Идите и смотрите, это настоящий Пушкин». Смотрела и я, зачарованная спектаклем. Я не была новичком среди поклонников театрального искусства, в Иркутске часто бывала на спектаклях.

Что за жизнь злодейка! Как не везло Александру Ефимовичу! Почти всю жизнь в лагерях, затем на поселении. Потом он женился на женщине с ребенком. Была не жизнь, а ад. Жизнь кончил где-то под Тулой, в приюте для престарелых. Идея поехать мне за «корочками терапевта» в Москву принадлежала тоже Левиту.

Смулевич Болеслав Яковлевич был профессором социологии и имел печатные труды, затем попал в Устьвымлаг. Сменил Левита на посту главного санитарного врача. Ему повезло больше, так как после 1953-1954 годов он вернулся в Москву, я читала его статьи в медицинских журналах. Врачи вообще в лагерях выживали.

Мария Александровна Копьева, работавшая врачом в стационаре 12-го ОЛПа. Это была настоящая русская женщина, красавица с большими голубыми глазами, умница, созданная для любви и прекрасной жизни. Она окончила Томский медицинский университет и вышла замуж за выпускника Томского политехнического университета института Шмидта, ставшего впоследствии крупным ученым, строителем Норильска. Эта красивая, пожилая дама 1902 г.р., попавшая в Устьвымлаг как жена врага народа, была разлучена с мужем и дочкой, двухлетней Леночкой, которая воспитывалась у родственников. Она заняла особое место в моей памяти. Их дочь Леночка запомнилась мне очень

самостоятельной. По словам матери, сама пробила себе дорогу в жизни. Она часто также навещала отца в Норильске. Шмидт не приехал к ней после освобождения. Приезжая в Ропчу к матери, она не одобрила связи матери с завбазой Левиным, на которую ее толкнул голод. Так была исковеркана судьба этой прекрасной семьи. Мы с ней ходили в лес и собирали грибы, сдавали и в обмен получали тряпье. И еще Мария Александровна умела приготовить сморчки. А многие, поев их, умирали.

На лесоповале работала бригада Крайтера. Он был немецким евреем, отлично приспособившимся к такой жизни. Возможно, что ему помогали родственники. Но не буду его оговаривать. Он был человек. Сам выживал и давал выжить другим, берег людей. В лагерях господствовала так называемая «туфта», то есть приписки. Делались они для того, чтобы в котле было больше крупинок.

Тепло вспоминаю Умерова Гамида Абдурахмановича. Я познакомилась с ним в Печоре. Уже в конце рабочей биографии, работая в военкомате после операции 1988 г, я читала о юбилее норильского комбината. Уже была написана книга, восхвалявшая кого-то, как строителя Комбината. Но вмешались «лагерные недобитки», и напомнили о подневольном труде и главном инженере, заключенном Шмидте. Тося Жилина вышла замуж за завскладом, не выдержала голода. Тома Демушкина дождалась своего жениха с фронта и уехала с ним в Прибалтику.

Таня пошла в школу. Она серьезно относилась к учебе. Школа и садик были в 5 минутах ходьбы от конбазы, моя поликлиника – в 10 минутах. Училась Таня легко и с прилежанием. До моего возвращения с работы она уже спешила написать свои палочки. Ребенок, не подозревая о своем происхождении, однажды пошел писать свои палочки на вахту конбазы, где стоял стол. Явился это подонок, зав. конбазой, и прогнал Таню с характеристикой её происхождения. Этого мне никогда не забыть. Еще в Ропче однажды дочь милиционера и продавца Галья констатировала, что у Тани и Оли отец «заклочёшка». Что они дети второго сорта было известно. Они пришли и

доложили, но быстро, как дети, обо всем скоро забыли.⁹

Сразу, после окончания войны я через Посылторг купила подольскую швейную машину. Шить меня учила немка из СССР. Я сама сшила девочкам синие фланелевые платья и набор белых фартучков. Еще я шила шаровары. Когда в 1949 году ездила в Москву, то купила девочкам тончайшие белые рубашки, костюмчики. В 1951 году у меня уже было больше денег, и я в Москве смогла купить больше. Купила себе первый раз настоящее пальто и шляпу. Потом, бывая в Москве проездом на юг, всегда покупала одежду и продукты, которых в Печоре не было.

Печора. 1952 – 1973 гг.

Итак, мы все в Печоре. Первое время жили на конемойке. Каждые две недели Н.Л. ходил отмечаться в АЧО. Начальником у Н.Л. был безграмотный мужик, который, отсидев три года за избиение заключенного, получил должность завконебазой. Удивляюсь мужеству врача, который дал ход этому факту избиения. Расправил крылья. Жена и его три дочки жили в хорошем бараке на территории конбазы. Таня уже пошла в школу и серьезно относилась к учебе. Мебель некуда было поставить в нашем закутке.

Не успела я появиться в Печоре, как у меня появились доброжелатели. За деньги модистка сшила девочкам платья из красной байки в белый горошек и отделала воротнички крепдешинном. Таня говорит, что это платье она помнит. Моих дочек увидела Вольпер Ю.С., она подрабатывала в садике. Придя в поликлинику, сказала, что девочки произвели на нее хорошее впечатление. Не думала она, что одна станет ее невесткой. Мои девочки были скромные и воспитанные. Не моя это заслуга, но так было. Еще на смену у них были синие шерстяные юбочки и шелковые кофточки. Их шила немка модистка, которая с любовью обшивала меня.

Не помню, где Таня делала уроки, так как большую часть времени с ними

⁹ Я увидела в альбоме фото отца с короткой стрижкой. Брякнула, что он как заключенный. Мне было лет 12. Он промолчал. Никогда он нам не рассказывал о своем заключении. И мама тоже. Все мы поняли уже во взрослом возрасте.

возился Николай Леонидович. Как-то Таня и Оля не пришли домой, а холода ждать себя не заставили. Мы их пошли искали и нашли в школе-интернате в постели у девочек. Я пошла с жалобой и тут же нам дали квартиру в бараке на краю города. Окна смотрели в лес. Потом через год поставили еще ряд барачков. Я была довольна. Сама белила, красила. И когда у девочек на подушках вышила анютины глазки, спрашивала себя «А у кого это». И отвечала «У Нади Клепининой».

Н.Л. стал собирать библиотеку, ночами простаивал в очереди на подписку журналов и газет. Все было дешево, но мало.¹⁰ Вот тут и началось духовное воспитание меня и детей. Под влиянием Николая Леонидовича впервые я поняла серьезность чтения художественной литературы. Тогда все было лимитировано, и он простаивал ночи в очереди, чтобы подписаться на журнал «Иностранная литература», «Юность» и др. журналы. Николай Леонидович, как он говорил, в детстве «пиликал на скрипке», даже играл в церковном оркестре. Пел, прекрасный баритон. Задумали девочек учить в музыкальной школе, где преподавателями были супруги, недавно приехавшие, и старый музыкант, бывший заключенный Е.В. Попов. Купили не ахти какое пианино, поставили в большой комнате. Таня не закончила музшколу, а Оля закончила. Детский врач, приехавший сюда по распределению, после работы заходил поиграть на пианино.

Я много работала. Мой, хотя и нищенский заработок был чуть выше. В те годы, когда Юлия Степановна Куниевская - Вольпер, будущая свекровь моей Оленьки, врач по профессии, получала 335 рублей, а я 140 рублей, Николай Леонидович – 120 рублей. Мечтала я нанять няньку для дочерей, но доходы наши не позволяли. Мои будущие родственники Волперы попали в Печору раньше нас, из Абези, при переводе управления из Абези в Печору в 1947 году.

¹⁰ Особенно много читала Таня. Она в раннем возрасте одолела Мопассана, который приходил по подписке. Я больше бегала на улице, и, как следствие нелюбви к чтению, были проблемы с грамматикой. Мама летом, когда мы были на море, диктовала мне диктанты, чтобы повысить мою грамотность. Папа всегда поверял домашние сочинения, а вот если у Тани были проблемы с решением задачи, то тут помогала мама.

Этот умный еврей Вольпер, тоже выживший в условиях лагеря, теперь работал товароведом в управлении Печорстроя.

По хозяйству мне помогала Фрося, бывшая заключенная. Я ей платила 25 руб. Мыли девочек дома, т.к. баня была далеко, да и вода там была ржавая. Воду носили из колодца. Зимой он так замерзал, что воду доставали бидоном. Носил воду Н.Л.. Потом стала помогать Таня.¹¹ Оля копировала меня, мазала печку и белила. Таня мыла полы. Потеряла Оля крышку от 2-х литрового бидончика, сокращая путь, идя по снежной целине. Он до сих пор жив.¹²

В 1961 году я снова училась в Москве. Теперь стоматологии. Потом ко мне в Москву приехали дети. Н.Л. проводил их до Ярославля (до него был бесплатный проезд). Как-то досталось мне только два билета на «Жизель». Это был дебют Максимовой. Ждала девочек на площади пред театром. Это было 29 июня 1961года. Подходят люди в штатском, спрашивают, что я здесь делаю. Объяснила, что мы приехали с севера, девочки не знают города, оставили в покое. Оказывается, ждали приезда Д. Неру и «чистили территорию».

А в 1962 году осенью оставили Олю одну и вдвоем поехали в Москву. Я сшила себе прекрасное платье на Кузнецком мосту. Ходили в театр, гордо прогуливалась по фойе в прекрасном платье. В тот же год мы были в ювелирном магазине на ул. Горького и решили купить мне золотой браслет. У всех печорских дам давно уже такие были. Он простой, но очень дорогой. Запомнились выражение лиц продавщиц, они подумали, что пожилой мужчина покупает подарок любовнице.

Когда мужа реабилитировали, он имел право вернуться в Москву. Но фактически его никто не ждал. Когда он был в «зените», то помогал Бирюковым. Особенно Ивану Ивановичу. Но вся помощь быстро забывается.

Во время дежурств иногда совсем кончались силы. Приходилось дежурить по

¹¹ Видимо, вспоминая полоскание в Ушайке, мама ходила летом полоскать белье на ручеек, который протекал недалеко от нашего дома. Я тоже «помогала». Однажды упустила красивый носовой платочек и с грустью смотрела, как его уносит вода.

¹² Уж эта история с крышкой! Сколько раз мама до своей смерти ее повторяла, но не помню, чтобы меня за это ругали.

10 ночей в месяц, а утром сразу идти на работу. Ю.С. имела возможность «продавать» дежурства тем, кому нужны были деньги. Сидя на собраниях, я прятала свои руки, испорченные хозяйственными работами. Никогда у меня не было маникюра, который нашим «знатным» дамам делала проходящая парикмахерша. В результате, помогая оперировать Кирюхиной, упала в обморок. Слава богу, посидела и все прошло. Заменить меня было некому. Это была прекрасный хирург. На моих глазах спасла парня, раненного ножом в сердце. В Печоре было много хороших людей.

Деньги зимой тратили мало, зато каждое лето ездили на море. Деньги дома лежали в тумбочке. Дети могли брать по 1 руб. на завтраки в школе, а Н.Л. обычно брал три рубля на свои расходы. Проездом в Москве мы всегда посещали театры, музеи. Сама с удовольствием слушала объяснения экскурсоводов. Покупала билеты в партер Большого театра по три рубля 50 копеек.

Когда мне на работу позвонил Вольпер Ефим Борисович и сказал, что в магазин привезут холодильники ЗИЛ, то я позвонила Оле и велела взять в рукавичку 3 тысячи 100 рублей и занять очередь. Он и сейчас верно мне служит.¹³ Холодильник был необходим, т.к. надо было хранить кости для нашей овчарки Марсика. Собака была необходима, т.к. дом стоял на окраине города. Эту собаку мы взяли щенком из питомника. Была очень верная, мы все ее любили. Уже после отъезда детей, вернувшись от соседки, услышала какой-то шорох. Оказалось, что пока меня не было, Марсик в незакрытый дом пропустил маленькую девочку. Другой раз какой-то пьяный на спор пошел в дом, и пес порвал ему губу.¹⁴ После смерти Н.Л. он отказался есть. Лежал на крыльце. Мне дали комнату в коммунальной квартире. Марсика пришлось отдать.¹⁵

¹³ Умная Оля явилась в магазин и громко спросила, кто последний за холодильником. Не сказали ей, что это своего рода «блат».

¹⁴ Но злой Марсик пропустил Евгения, когда тот пришел в гости ко мне.

¹⁵ Приехав на каникулы, я увидела его у нового хозяина. Мама уехала из дома и отдала его. Как я плакала оттого, что нет возможности держать его у себя. И

Кот Васька не захотел покидать квартиру. Этот кот не любил ловить мышей. Чистоплотностью не отличался. Ел конину и молоко. Ходил сам по себе. Прыгал через кухонное окно, отчего занавеска всегда была грязная. Невозможно было эти черные полосы отстирать.¹⁶ Несколько раз в сумке его уносила, но он все равно возвращался в барак. Так и остался жить с новыми хозяевами. Еще один раз мы держали поросенка Микишку. Соседка Зинаида Егоровна держала корову и поросят. Мой муж лечил ее животных. В знак благодарности она приносила нам молоко, а однажды подарила поросенка. По мановению волшебной палочки поросенку конюхи построили домик. Он быстро вырос. Его закололи, после чего был праздник для всего нашего барака. Куры несли яйца, но плохо. Приходилось возить яйца из Москвы. А как-то мы уехали на море, и соседка Даша набрала много яиц. Все отдала. Она была очень честна.

Зимой было очень холодно. Дул ледяной ветер с Баренцева моря. Девочки приходили с обмороженными щеками, т.к. мы жили далеко от школы. Я много работала, вот Л.Н. всегда старался их встретить, так как замок иногда заклинивало. Иногда его вешали просто в закрытом виде. Воровства не помню.

О лошадях. Новая конюшня была недалеко от нашего дома. Когда Н.Л. выпивал (я ненавидела водку), я его ругала. Тогда он «уходил из дома». Брал кусковой сахар и шел на конюшню. Оленька всегда шла с ним. Брались за руки и уходили на конюшню. Я за них не волновалась. Н.Л. очень любил лошадей.

Марсик был уже очень слаб. Он не признал новых хозяев. Это мое горе со мной всю жизнь. А как он любил, когда его спускали с поводка, влететь в комнату, пролететь коридор и комнату родителей вскочить на мою кровать! Вот уж была маме стирка.

¹⁶ Мама ошибается. Когда умер Ропчинский кот Васька, я пошла в поселок Шанхай, искать рыжего котенка. Но не нашла. И взяла серого. Назвала Фунтиком. Он очень любил приносить с улицы всякую мелочь. Из-за него я сильно пострадала. Однажды мама утром нашла у моей кровати большого глиста. В ужасе, она не обратила внимание на то, что он весь в красной шерсти от ковра, т.е. его долго катали по ковру. Меня отправили в больницу гнать глистов. Попала к Юлии Степановне в отделение. Сосед Свиридчук приносил ему свежемороженых мышей, вынутых из мышеловки. Они стояли в пустом цветочном горшке хвостами вверх. Хочу отметить, как родители берегли нашу психику. До Марсика у нас была лайка Тайга. Она тяжело заболела – опухоль у нее была. Вот и она, и кот Васька, ставший совершенно старым, «умерши», когда мы отдыхали на море.

Вспоминаю, как в Ропче одна кобыла страдала сердечной недостаточностью. Она уже не работала, а только иногда привозили на ней воду в бочке для зоны. Когда ей становилось плохо, она подходила к амбулатории, где ее замечали Горидов или прекрасный человек, фельдшер Ссылка А. А. Делали ей укол с большой дозой камфары, а она сразу не уходила. Когда понимала, что ей лучше, шла в конюшню.

Дом стоял возле леса. Мы могли собирать грибы и ягоды в 15 минутах ходьбы от дома. Собирались у нас друзья. Это были родители подружек Оли - Скребовы, Кусковы. Дружили мы с соседями Свирюдиками - Дашей и Степаном. Однажды я испекла пирог. Говорила гостям, что чай будет с пирогом. Но когда дошло до чая, оказалось, что дети гостей и мои весь пирог съели. Все гости меня правильно поняли.¹⁷

Наш «роман» с Н.Л. начался с посадки картошки. Еще у меня не было твердого плана приехать в Печору, но в одну из поездок к мужу, я прихватила 5-6 картофелин. Конюхи вскопали землю, и я их посадила. Уже в июле можно было подкопать и набрать немного картошек. Возле барака мы тоже сажали картошку. Удобрений было вдоволь.

Когда умер Николай Леонидович, на похороны приехал старший брат, мама и дети, уже учившиеся в Томске. Не могла я одна оставаться в бараке, и мне предложили комнату в доме напротив. Марсика отдала соседям свиной сторожить. Но однажды он разобрал изгородь, к которой был прикован на цепь. Пришел и снова лег на крыльцо барака. Слабого, больного отвела назад хозяевам. А те вынуждены были отпустить его с цепи, так как он отказывался принимать пищу. Вконец ослабевшего, его изодрали собаки.

Но вот пришел час, когда я должна была уехать в Томск. На работе не сразу поверили, что я увольняюсь. С сожалением я покидала свою уютную квартиру. Организация помогла отправить багаж. Так же как и при переезде из

¹⁷ Мама всегда кормила детей гостей. Видимо, надолго запомнила хождение по болоту «в гостях у Федора», пока взрослые веселились. И еще. Тетя Даша всегда сидела со мной, когда я болела. Очень добрая. Учила меня шить на машинке. Мама и папа работали, а я с высокой температурой лежала одна. Обкладывалась глянцевыми журналами «Огонек», чтобы не было жарко.

Ропчи, помогли добрые люди.

За 30 лет работы на Севере я встретила много людей, в большинстве очень хороших людей. Людей благородных, всегда готовых помочь друг другу. Не могли мы накрывать богатых столов, но делились всем, что было. Вспоминаю добрым словом старшую медсестру больницы № 8 Зинченко М.А., у которой прекрасный сын, выпустивший книгу и приславший гонорар в 50 тысяч рублей матери. Синайских, у которых сын Вася руководит симфоническим оркестром в Москве и многих других. Умеров Гашид Абдурахманович, прекрасный инженер, после освобождения работал в Печорстрое. Жена Мадия Мухаметдиновна приехала вслед за ним, преподавала в школе № 83, их сын Шамиль учился в одном классе с Оленькой.

Снова Томск. 1973 – 2000 гг.

Пришлось к родителям возвращаться в Томск. Толя еще долго не мобилизовался, а Валя уехал наводчиком на Дальний Восток. Там заболел клещевым энцефалитом. Но диагноз поставили, что грипп. Он не получил должного лечения и впоследствии стал инвалидом. Правильный диагноз поставили лишь в Томске, когда у него парализовало половину лица. Мама, не имея квартиры, скиталась по родственникам. Жила у т. Насти. Доила корову, работала по дому. Папа спал на работе. После долгих скитаний по родственникам родители получили комнату на ул. Дзержинского, д. 30. Комната была с печкой. Топить ее было проблематично из-за плохого качества угля.¹⁸ Потом кто-то сжалился над инвалидом дедом и ему дали квартиру на ул. Карташева д.31. кв.3. Сюда в 1973 году я переехала, попала уже на похороны отца. В суматохе никто не вспомнил про мой день рождения 30

¹⁸ Мы с Таней застали это жилище. Таня там даже жила на 1 курсе. У дедушки был сарай, где он столярничал, выйдя на пенсию. Делал себе мебель. Я тоже любила столярничать, когда в 1956 приезжали в гости. Даже выдолбила корыто, когда в детстве были у них в гостях. В это же время там была наша двоюродная сестра Люба. Еще дед разбил очень маленький садик и занимался посадкой овощей. Он не мог жить без работы.

сентября. Здесь умерла моя мама. 19

Мама (Поля) была рукодельницей. В холодные зимы всегда вязала нам варежки из пуха. Еще мама ремонтировала вещи, таким же небогатым, как она. Старалась заработать. Прекрасно прядла шерсть. Я как то купила на юге шерсть. Дочки уже были в Томске. Вот мама прядла эту шерсть и девочки заказали связать себе кофты. В Печоре мне связали кофту. Она была жесткая. Но я ее любила. Всегда ее ремонтировала. Она долго служила мне в Томске. А еще меня грела телогрейка моего мужа.²⁰

Не любила мама шить мне платья. Называла кособокой. Да я уже давно считала себя «вторым сортом».

После операции мне предложили работать в военкомате. Такой необременительной работы у меня никогда не было. Благодаря своим напарницам, включилась в чтение толстых журналов, которые стали печатать интересные материалы. Здесь я прочитала воспоминания Разгона. Произдевался он над нами - комсомолками «вольняшками».

Таня просит меня написать воспоминания, чтобы пролить свет на ту духовность, что была у Сережи. Таня первые годы его жизни мало с ним общалась. Это уже тогда, когда я стала систематически болеть, а он стал студентом, то они обсуждали все. Сережа хотел глубоко изучить медицину, досконально, все ее спрашивал, даже когда она стирала белье. Надо отметить его жажду знаний и природный ум. «Врач от бога», так сказал психиатр, когда Сережа сдавал психиатрию. Считаю, что в нем воплотилась душа Николая Леонидовича, моего мужа, который был благородным, душевным человеком и очень великодушным. Когда я Сереже рассказывала выдуманные мною сказки, иногда, завравшись, путала события, догадывалась, что уже «пру не в ту степь», то он серьезно смотрел на меня и говорил «Баба, говори как знаешь, и как

¹⁹ 3 января 2000 г. в 9.30 утра умерла в этой квартире и моя мама на руках у Тани. Она была уверена, что Таня ей, как всегда, поможет. Так что умерла с легким сердцем.

²⁰ Таня отправила ее в музей ГУЛАГА в Печору. Она гордо присутствует в интернете, как экспонат музея.

хочешь».

30.6.1997. 16 лет как нет мамы. Прости, что не могла я ухаживать за тобой, как бы тебе хотелось. Но ведь я, приехав в Томск, поняла, что на пенсию мне не выжить. Пошла работать на 0,5 ставки. ²¹

Надо было помогать Оле. Тане тоже приходилось платить за квартиру, и они с Геной много работали, дежурили. Мне приходилось сидеть с Сережей, а ты оставалась одна. Иногда ты хотела поговорить со мной, а я так уставала, что засыпала. В прошлом году была у тебя на могиле, а в этом не может. Я часто тебя хорошо вспоминаю. Твое трудолюбие, красоту, статность. И в 86 лет ты не была горбатой старухой, вот только ходила уже с посошком.

Лежу в больнице, клинике ТМУ. Очень плохо себя чувствую. Болезнь сердца и очень больные легкие. Вот и хочется на бумаге изложить многое, что произошло в моей жизни. Редко кому так «повезло в жизни». ²²

Из воспоминаний мамы выпала история сложных отношений с семьей брата Валентина. После службы в армии он вернулся в Томск. В 1951, когда бабушка Поля поехала в Ропчу, Валя сошелся Люсей (не без содействия ее матери Ольги Осиповны Никифоровой). Люся в детстве упала и у нее была трещина в голове. От этой травмы она была умственный инвалид. В браке с ней родился двоюродный брат Юра. Папаша Валя быстро слинял, а О. О. стала шантажировать деда посадкой Валентина в тюрьму. Тогда за неуплату алиментов сажали. Дед пишет маме просьбу в Ропчу, чтобы она платила алименты. Несмотря на тяжелые денежные условия, мама посылает деньги. Эта О.О. блокадница. Впоследствии она много получит под этим знаменем и даже станет Героем труда. Героев давали по разнарядке и биографии. Но ее

²¹ Мама была очень хорошим стоматологом. Благодаря работе, приобрела в Томске известность и друзей. Она мне рассказывала, что одной девочке лечила флюс и велела прийти на следующий день. Та не явилась. Мама пошла по адресу, где мама девочки очень сильно удивилась. А еще она рассказывала, как в Печоре отремонтировала сломанную челюсть, зашивая ее проволокой, найденной на помойке, т.к. ничего более подходящего среди медикаментов не было. К ней стремились записаться. Было много постоянных пациентов. Те пломбы, что она делала мне в подростковом возрасте, простояли до старости.

внуки, конечно, уверены в героизме бабушки. Мало того, когда Валя приезжает потом в Томск, они рожают Нину. И опять мама вынуждена помогать. Потом Валентин еще женился. Из-за болезни тоже не страдал умом. Еще была девочка. Из подхалимажа назвал дочь Надей. Она в Печору писала слезное письмо и ей что-то послали. Пил. Работал шахтером. Когда бабушка умерла, стал намекать маме, что он тоже будет жить в бабушкиной квартире. Тут уж мама не выдержала и резко отказала. Алкоголиков она насмотрелась. С тех пор он испарился. В зрелом возрасте я подружилась с Ниной. Прожив бедно в семье, она призналась, что воспитывала сыновей Дениса и Сергея по примеру моей мамы. Ничего не хочу сказать про Нину и Юру плохого. Просто мы жили так далеко друг от друга, что родственные связи не возникли. Еще мама вспоминала, что в Ропче ей мать заключенного подарила золотую монетку. Она передала ее деду, который приезжал в Ропчу в 1946г. Дед, дрожа, спрятал драгоценность в погреб. Валентин ее нашел и продал. Когда умер дедушка, Валентин поспел только на поминки. Подвыпившая Ольга Осиповна все посылала его «утешить ее дочку Люсеньку». Мама и бабушка были в ужасе, т.к. Люсе было всего 37 лет и у них не было желания тянуть еще Валиных детей. Кое как удержали. Да и Валентин не особенно рвался. Люся наелась снотворного, и ее похоронили через несколько дней после дедушки. Вот так и прошла жизнь наших предков, попавших во все мясорубки 20-го века. две войны, голод, репрессии. Но, в основном, это были честные и работающие люди. Всегда буду благодарна маме (да и Таня тоже), что смогла уберечь нас от голода и пьянства. И она очень много нам дала. Конечно, как она сама признавалась, не научила нас женской хитрости, мало говорила с нами о будущей семейной жизни. Но, прочитав ее записи, видно, что она сама этого не получила. Она училась на своих ошибках, и нам досталось так же накапливать свой опыт. Но та любовь, что нам излучали мама и папа, мы перенесли на своих детей. Спасибо ей от меня за материальную помощь, а от Тани за физическую. Эта она помогла нам сохранить семьи и поднять детей. Вечная память нашему любимому папе Сергееву Николаю Леонидовичу и маме

Клепининой Надежде Николаевне. Я постаралась сохранить стиль маминых записей. Чаще всего я просто перепечатывала. Пришлось только убрать повторы, т.к. она писала в разное время и теряла нить рассказа. А может быть повторяла те события, которые ей особенно памятливы. И еще я постаралась собрать записи в логической последовательности, чтобы легче было проследить ее жизнь.

Клепинины (по записям Клепинина Николая Исааковича)

Исаак Алексеевич Клепинин 12.06.1860г.-8.03.1922 г. (умер в с. Романово, где родилась внучка Надежда), уроженец г. Уфы и Гликерия Ефимовна Щадрина 30.05.1872 -17.10.1942 г. Уроженка д. Боровинка Серебрянской волости Тюкалинского уезда быв. Тобольской губернии. Исаак Алексеевич Клепинин в 1922 г. Был принят на службу в 11 линейный Туркестанский батальон. После окончания службы вернулся в Уфу, где кого-то с братьями убил вилами и уехал в Томск. Венчался с Гликерией в Никольской церкви г. Томска. У Гликерии были братья: Феоктист Ефимович погиб на фронте в 1914. Его дочь - Валентина Феоктистовна Томашевская (Щадрина)22.08.1912- 12;08.1965 г. От брака с Томашевским родилась дочь Роза. Федор Ефимович женат на Татьяне Ипполитовне умерла 11.02.1944. Дочь Вера Федоровна (05.11.1911-29.12.1971) в браке со Станиславом Ульяновичем Антончиком родила сына Владислава 05.03.1938.

Дети Клепининых Исаака и Гликерии:

Николай. 17.03.1899-26.9.1973 родился г. Томск, ул. Киевская, 38.

Катя 7.12.1901 г. Браке Ширшовым Василием Антиповичем. Дети: Дочь 7.2.1925 и сын Анатолий 10.02.1922. Анатолий женат на Антонине Кузьминичне Власовой. 28.12.1934. От их брака Владимир Анатольевич 24.08.1958. Владимир 30.07.1903 (Исчез в Харбине в 1922 г. Жена- Мария. Дети Юра 1922г. и Борис.1927от др. мужа

Ольга 07.07.1906. Брак с Комягиным Иваном Петровичем 4.02.1900.

Дети: Владислав 11.06.1933, Станислав 03.03.1937. Оба военные.

Лида 05.03.1912. Брак с Гетмановым Дмитрием Григорьевичем.

Дети: Люда 10.12.1929, Люся 10.10.1931, Леонид 29.03.1934, Таня 29.07.1940, Виктор 10.10.1945, Владимир 11.05.1950.

Клепинин Николай Исаакович 2 октября 1918 г. венчался Пелагеей Кирилловной Губиной в Томске. Они познакомились 29 декабря 1917 г. в Доме Офицеров на танцах. Пелагеея Кирилловна Губина родилась в с. Череве Кемеровской области. Мать ее звали Лукерья (умерла 28.12.1932). Она так и жила в с. Череве. В семье было много детей: Андрей (я его видела. Он приезжал к бабушке в 1968г.) Сильно вместе пили и еле его отправила на поезде в Кемерово, Алексей, Анисья, Дарья (красавица), Алексей, Дмитрий, Ольга. Все в роду бабушки любили пить. Отец её замерз пьяный. Бабушка Лукерья была добрейшей души человек. Не пила. Очень любила Полю.

Дети Николая и Пелагеи:

Анатолий 12.08.1919 г. Томск - лето 1979 () Харьков. Военный врач в Находке, а потом переехали в Харьков. Жена Соловьева Александра Прокофьевна 21.09.1919-05.10.1971. Дочь Люба 17.10.1942. У Любы дочь Наташа, 1973 г.р. Живут в Харькове. Надежда родилась 30.09.1921 в с. Романово Красносельской волости Поломошинского района Томского округа. Владимир -25.07.1923-25.08.1923.

Валентин -12.12.1925 г. Томск. В браке с Волковой Людмилой, 22.06.1922 г.р. Дети: Юра 16.03.1952 в браке.

Дети: Таня. Нина 08.03.1954 в браке с Тарима Сергеем. Дети Сергей и Денис. В браке с Жолудевой Марией дочь Надежда, 17.06.1957

Надежда Клепинина 3 окт. 1943 выходит замуж за Сергеева Николая Леонидовича. Отец Николая - Леонид аптекарь (своя аптека в г. Симферополь) умирает от заражения крови в 1910 г. Он

незаконнорожденный сын Леониды. Фактический отец покупает ему аптеку. Мать Николая - Людмила Ивановна Бирюкова. Умерла в Рязани в 1927г. Уроженка Москвы. Из купеческой семьи. Торговали чаем. У Людмилы брат Иван. У Ивана дети: Наталья, Николай, Софья, Игорь. У Игоря дети Катя и Олег. Живут в Москве.